

Песнь о нибелунгах

ПАЛМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 398.2
ББК 82.3
П28

Пересказал В. Воскобойников

П28 **Песнь** о нибелунгах : [поэма] / [пересказ В. Воскобойникова]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 286 с. — (Серия «Школьная библиотека»).

ISBN 978-5-517-02920-1

Прозаический пересказ средневековой германской эпической поэмы «Песнь о нибелунгах», написанной неизвестным автором в конце XII — начале XIII века.

УДК 398.2
ББК 82.3

ISBN 978-5-517-02920-1

© Воскобойников В. М., пересказ, 2020
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой любезные читатели успеют лишь
на мгновение увидеть красавицу королеву
Кримхильду, трех ее братьев-королей, а потом
узнают о юношеских подвигах великого витязя
Зигфрида и о его страстном желании сделать
Кримхильду своею женой*

Вечером Кримхильда подошла к узкому окну, у которого любила заниматься рукоделием, и неожиданно услышала смешной разговор. Внизу беседовали четверо запылившихся в дороге рыцарей. Они только что подъехали ко дворцу, спешили и ждали, чтобы их отвели в покои для гостей. По-видимому, они собирались переодеться и предстать перед королями.

— А что, верно у королей сестрица — красавица, какой свет не видал? — спросил один.

— Именно о ней я и рассказывал вам в дороге, друг мой! — удивился другой.

А третий подтвердил:

— Помните, музыканты пели о ней при дворе датского короля? Вы тогда подсели поближе, чтобы слушать их.

Когда о твоей красе постоянно говорят слуги, этого не замечаешь. Дороже слово, сказанное незнакомыми витязями в беседе между собой. И при этом они не догадывались, что она их слышит. Кримхильда стояла у окна, с улыбкой вслушиваясь в беседу.

Жаль, приезжих тут же позвали и она не дослушала их разговора.

А позже, почти на том же самом месте, при свете факелов, Хаген зарубил их своим мечом. Всех четверых. Так и похоронили их, толком не узнав ни имен, ни страны, откуда они прибыли.

Быть может, кого-то постоянный гвалт в королевском дворце, пиры, веселые песнопения, лязг оружия и утомляли. Но только не Кримхильду, юную королевну Бургундии. К веселью на мужской половине она привыкла с детства.

— Вырастешь, дочка, — говорила ей Ута, королева-мать, — и у тебя будет свой дворец и свое королевство, если Господь даст достойного супруга. Быть королевой — большая наука. Король управляет государством, своими вассалами. А королева должна управлять королем, да так искусно, чтобы он никогда о том не догадывался.

— Мне и с вами хорошо, матушка, — отвечала Кримхильда, — и замуж я никогда не пойду.

В Бургундском королевстве было сразу три короля. Считалось, что они так и правят страной втроем, три брата. Правда, больше других правил старший, Гунтер. Братья были молоды и не успели отыскать себе жен. Вот почему их родственник, могучий богатырь Хаген, во всем направлял их. Да так искусно, что они тоже об этом не догадывались.

Хагена узнавали издалека по росту, по мощной груди, по суровому, не улыбчивому лицу. Раннюю юность

он провел в плену, заложником у гуннов, и, говорят, с тех пор разучился улыбаться. Но трех королей обо-
жал всей душою и в любое мгновение был готов за-
щитить их честь. Всех, кто хотел с ним поспорить, по-
мериться силой, он перебил на турнирах. Последнее
время он часто жаловался, что никто не хочет всту-
пать с ним в единоборство.

— Надо было беречь противников! — со смехом
советовала Кримхильда.

— Я берегу честь королевского рода, и этого мне
достаточно, — серьезно отвечал Хаген. Шуток он не
любил.

Под утро Кримхильде приснился печальный сон.
Она проснулась в слезах и, словно случилось несча-
стье, уже не могла заснуть.

А ведь ничего не произошло. Как обычно, подня-
лось солнце, как обычно, осветило сначала ковер на
стене, потом душистые травы на полу в дальнем углу,
наконец подобралось к постели. Только ей хотелось
плакать от тоски и сердечных страданий. Ей снилось —
в жизни о подобном она не думала, — что в окно залет
вольный сокол. И она разговаривала с ним, а он
понимал ее речь и ходил за нею повсюду. И был он для
нее самым дорогим существом в мире. Но внезапно
в то же окно ворвались два орла. Не обращая на нее вни-
мания, огромными когтями они впились в сокола. Бес-
помощная, одинокая, несчастная, она прижалась к сте-
не, они же злобно клевали ее сокола, и некому было их
остановить.

Вот и все, что ей снилось. Орлы улетели, хищно озираясь, а истерзанный мертвый сокол лежал на полу.

— Матушка, что за сон мне сегодня ужасный при-
виделся! — пожаловалась она, когда пришла в мате-
ринские покои. — Никак мне его не забыть!

Пожилая королева-мать ведала тайны снов и мог-
ла объяснить многое. Она расспросила дочь, а потом
скорбно вздохнула:

— Лишь бы не стал этот сон для тебя вещим. Твой
сокол — славный витязь, и пусть хранит его Бог, что-
бы у тебя не отняли супруга два озлобившихся врага.
Ты уж побереги его, когда станешь женою.

— Матушка, да я в который раз повторяю, что не
собираюсь замуж. Мне и здесь хорошо, с вами и с бра-
тьями. Не пойду я ни за кого.

Внизу, во дворе, перед королевским дворцом слуги
посыпали песком запекшуюся на камнях кровь.

— Ой лютый! — говорил один слуга другому. —
Троих вчера напололам разделал, а четвертому отсек
голову. Уже в темноте дрались, при факелах. Моло-
дые были, красавцы.

— Сгрубили они ему или что?

— Да ему разве сгрубишь! За стенами города все
кладбище полно теми, кто грубить пробовал. Нет, он
потешный бой предложил, чтобы перед сном раз-
мяться. И первого развалил нечаянно. А когда осталь-
ные трое стали драться всерьез, он и их не пожалел.

А в это время через леса, холмы, пашни мчался
в Бургундию ее сокол, ее будущий возлюбленный, бу-
дущий муж, знаменитый воитель Зигфрид.

Если бы Кримхильда не была так хороша! И если бы доблесть Зигфрида — королевича из далекой Нидерландской земли — не была столь велика! Не случилось бы многих несчастий, не пресеклись бы жизни отважных воинов, которые пока еще не догадывались о беде, предназначенной им судьбою.

Те, что рассказывали истории про Зигфрида, могли говорить о нем не умолкая от зари до зари. И еще немало осталось бы другим, пожелавшим рассказать о его подвигах. И что там было правдой, а что насочиняли придворные музыканты-шпильманы, бродячие певцы, — теперь, после гибели славных героев, уже никогда не узнать.

Зигфрид родился в королевской семье, известной добродетелью и могуществом. С детства отличался он ростом и силою.

Молодые, играя, бросали камни — его камень был тяжелее, летел дальше. Его игрушечное копье было не легче боевого, взрослого.

Однажды на заре он пришел к полю, где пасся королевский табун необъезженных лошадей. Среди них красотой и диким нравом отличался скакун белой масти. Ни один человек не смел приблизиться к нему — так силен и необуздан был конь. Все уже решили, что судьба его — прожить без всадника до тех пор, пока годы не укротят бешеный конский нрав.

Юный Зигфрид вскочил на коня, к ужасу пастухов, и конь сразу встал на дыбы, долго и безуспешно пытался сбросить и растоптать королевича, а потом умчал его в поля. Лишь к закату вернулся присмиривший конь, и царственный отрок, осунувшийся за один день,

сидел на нем прямо, гордо. С тех пор стал белый конь Зигфриду верным другом. Лишь его слову и жесту был он послушен, и не было у него иного всадника среди людей.

Зигфрид дал ему имя. Он назвал коня Грани.

В дальних глухих лесах, куда давно уже не ступал человек, на берегу озера стоял дом, и жил в нем искуснейший из людей, могучий карлик по имени Регин. Говорили, он был волшебником и жил там то ли сто, то ли двести лет. Еще прошлые короли отправляли к нему боевые отряды. Но отряды, заплутавшие в диких лесах, теряли людей, и не многим счастливым удавалось вернуться домой. Совсем уж редкие путники становились его гостями — только те, кого хотел видеть он сам. Они-то и доносили рассказы до остальных. Говорили, что рядом с домом стоит кузница и Регин постоянно поддерживает в ней огонь, ежедневно грохочет огромным молотом, кует для кого-то широкий тяжелый меч. Говорили, ему доступны все знания мира, а тот, кого он ждет, будет научен таким воинским приемам, которых не знает никто.

Об этом спели в отцовском дворце бродячие музыканты, и Зигфрид поверил в песню.

Рано, еще до восхода солнца, вскакивал он на коня, мчался по спящему городу без провожатых, в простой одежде, и верный Грани уносил его в далекие леса.

Король наконец встревожился: мальчик пропадал один неизвестно где и всякое могло с ним случиться.